



## Чивик-чивик!

Я вышел на поветь.

- Чивик-чивик, - раздалось из-под самой крыши. Это звучало как "доброе утро".

На жердочке между стропилами сидела пара ласточек. Они чистили перышки и с любопытством смотрели вниз, на меня.

- Чивик?

"Кто это такой?" - перевел я птичий вопрос. Еще бы! Ведь они видели меня впервые. Всего две недели назад мы с женой купили этот деревенский дом, пустовавший лет, поди-ка, пять. Ясное дело,

все эти пять лет ласточки были его безраздельными хозяевами. Вот и сейчас, в погожее майское утро, они прилетели из Африки домой. И вдруг...

И вдруг заявляется на повесть кто-то большой и нескладный, у которого вместо клюва - шишка, а на шишке этой два стеклышка приспособлены. Крыльев у незнакомца нет, но зато есть две палки с хваталками на концах. И есть еще усы. Правда, усы не редкие и злые, как у кошки, а густые, добрые.

Хорош портретик? Я совершенно убежден, что ласточки своим "чвир-чвир-чвир" сейчас как раз и ведут обсуждение моей личности. Наконец, одна из них срывается с жердочки и, часто-часто работая крылышками, делает виражи над моей головой. Полет ее бесшумен и нарочито нетороплив. Можно подумать, что это громадная бабочка парит над цветком, если, конечно, за цветок принять мою шевелюру.

Не обращая внимания на летунью, я беру в углу повети дрова, припасенные для русской печки, и удаляюсь с ношей в сени.

- Чивик?

- Чивик-чивик?.. Чвиррр!

Диалог мог означать только успокоение, и я перевел его так:

- Остаемся?

- Улетать из-за этого чудака?.. Ты с ума сошел!

На другое утро под крышей сеновала стоял целый содом.

Со стороны можно было подумать, что ласточек десять устроили там совещание.

- Чвиррр! Чвиррр! Чвиррр!

- Чивик-чивик-чивик-чивик!..

- Чвиррррр!

По какой причине скандал?

В темноте из-за печной трубы сверкнули два зеленых уголька. Так и есть! Это - рыжий кот. Притащился и хищно посматривает на ласточек. Видит око, да зуб неймет. Однако на всякий случай пришлось хлестнуть по трубе длинной вицей. Кот недовольно фыркнул и рыжей молнией метнулся в слуховое окно.

Через пять минут - опять переполох.

- Чвирррр!

- Чик-чик-чик-чивик!

- Чвирричирк!

- Чирк-чивик!

- Чирикчвиррр!

Батюшки, опять кот! Бегу опрометью на поветь. Ничуть не было! Пернатая парочка сидит на жердочке и в пух и прах ругается. Одна птичка как бы оправдывается, а другая явно нападает. Пригляделся и все понял. Оправдывается он, а нападает она. И разгорелся сыр-бор из-за гнезда.

Поразмыслив, я перевел птичий разговор:

- Пора гнездо лепить!

- А вон старое, прошлогоднее - вполне хорошее!

- Ах, ты, лодырь! Не хочу сидеть в старом. Старое - на самом виду. Детей погубить хочешь?

- В прошлом году обошлось...

- В прошлом-то году мы одни тут были. А теперь ходят всякие!

И что бы вы думали? Победила все-таки она. Через трое суток под самым князьком крыши красовалось новенькое гнездышко. Оно было серенькое - ни дать ни взять из цемента склеено. Не все знают, что у ласточек в зобиках и впрямь по цементному заводу спрятано. Обычная глина, перемешанная со слюной, - вот и весь птичкин строительный материал. Понятное дело, постелька в домике - из тростника, пуха и других мягких вещей.

Слава Богу! На несколько дней на повети воцарилось спокойствие. Но уже через неделю, когда я опять появился на повети, раздалось грозное:

- Чивик! Чивик!

Обе ласточки спикировали прямо на меня. А в гнездышке зашwirстело: “чвирь-чвирь-чвирь-чвирь...”

“Ага, детишки народились!” - догадался я и решил понаблюдать, что будет дальше.

- Чивик! Чивик!

Это уже звучало, как приказ: “Убирайся! У нас тут маленькие!”

Я попытался возразить:

- Да ничего вашим птенцам не делается! Только издали посмотрю...

- Чивик! Чвирр! (“И издали нельзя! Понятно?”)

“Ну, знаете, это уже эгоизм!” Однако пришлось ретироваться. Но скоро я в сенной стенке нашел щель между бревнами и устроил себе наблюдательный пункт.

На повети кипела жизнь. Отец и мать сновали, таская корм потомству: А потомство росло, увеличивалось в размерах, и скоро пять хвостов торчало из гнездышка.

Самым интересным было время, когда у ласточат начались учебные полеты. Малыши срывались с гнезда и, отчаянно махая крыльшками, подруливали к жердочкам-переводам. Снизу птички были

похожи на акробатиков под куполом цирка. У них и фракы были, как у заправских актеров. Вот только умения кот наплакал. Пролетят сантиметров десять и - цап коготками за спасительную жердочку. А вереску зато - на всю деревню!

Однажды, проснувшись, я не услышал на повети знакомого гомона. Заглянул в щелку. Ни одной птички - ни взрослой, ни маленькой. Зато вокруг дома носилась целая стая ласточек. Потом они и совсем пропали. Знатоки сказали, что все семейство переселилось в ближайшую рощу. Осиротела поветь. Грустно стало на ней, пусто...

...Через год мы вновь приехали в деревню. Дом встретил нас радостным поскрипыванием половиц. Я сбегал на родник за водой. Потом пошел за дровами.

Едва вышел на поветь, как услышал:

- Чивик-чивик!

Пара ласточек сидела на жердочке и, склонив головки, наблюдала за мной.

- Здравствуйте, - сказал я им. - С прибытием!

И жизнь на повети покатила по новому кругу.





## СКВОРЦОНОК ЧИР

- Хр-руп!

Скорлупка хрупнула. Из нее высунулась серая головка. Головка повертела острым, как шило, носом и сказала:

- Чир-р-р!

- Чир! Чир! - обрадовалась мама.

- Чир! - важно подтвердил папа.

А два яичка, лежавшие рядом, ничего не говорили. Впрочем, чего говорить? И так было ясно, что у скворца и скворчихи родился первенец - скворчонок, и что имя ему - Чир.

Не успел Чир оглядеться как следует, а мама уже тут как тут: сунула ему в клюв червяка. Папа, правда, проявил при этом беспокойство: не рано ли, не подавился бы малыш, или, что еще хуже, не стал бы эгоистом.

А наш Чир проглотил червячка и решил, что это хорошо. Он сразу же раскрыл клюв и попросил еще. “Ну, вот, - подумал папа. - Так и есть! Вырастим эгоиста...”

Но все-таки полетел вместе с мамой за добычей.

Чир огляделся. Мир, в который явился скворчонок, не очень ему понравился. Ну, в самом деле, скажите, чего хорошего в тесном, темном ящике, где на подстилке лежат два целых яичка, третье лопнутое, а сверху - маленькая дырочка, и из нее дует.

Чир даже подумал, нельзя ли обратно в скорлупку забраться и как-нибудь в ней заклеиться. Но тут на минутку появилась мама и скорлупку выбросила.

Прилетел и папа, принес сыну какую-то козявку, не очень вкусную, но есть можно. И опять рядом - никого.

И вдруг:

- Хруп! Хруп!

Сразу на обоих яичках, что оставались в скворечнике, лопнули скорлупки и два голоса чирикнули:

- Чвирр!

- Чика!

Это у Чира появились братишка и сестренка.

Родители сразу с крыльев сбились. В три клюва надо червячков совать. И при этом никого обидеть нельзя. Мама даже вспотела от старания и стала ерошиться. А папаша от волнения и беспокойства даже один раз вороной каркнул. И один раз кошкой мяукнул.

Это он вот так припугнул малость детишек... Чир был на пять минут старше брата и сестры. И он сразу сообразил, что “карр” и “мяу” - это страшно. И на всякий случай запомнил. И еще скоро Чир смекнул, что если сидеть поближе к дырке, из которой дует, то можно скушать лишнего червячка.

Постепенно и Чвир с Чикой поняли, что мир не кончается скворечником, что там, за дыркой, есть еще другой мир, куда улетают папа с мамой за вкусными червячками и не очень вкусными (но есть можно!) козявками.

И вот скоро уже из дырки скворечника стали показываться ношники.

\*\*\*

Девочка Катя первой увидела скворчат.

- Смотрите, смотрите! - закричала она своим родителям. - Какие смешные! Серенькие, как мышки.

Соседская кошка Мурка, конечно, все это слышала. Она подняла голову и поглядела на скворечник. Чир в это время как раз высунул головку из дырки и с любопытством разглядывал старую рябину, на которой висел скворечник, голубой забор, большой, обшитый тесом пятистенком и любопытную Катину физиономию в окошке. И одного только Чир не заметил. Не заметил он, что кошка Мурка крадется по стволу рябины к его домику.

Зато Катя увидела кошку и сразу разгадала ее замысел. Пулей вылетела она на улицу, схватила дедушкино удилище и понеслась к рябине.

- Мя-а-ау! - закричала кошка, получив по спине удилищем, и, спрыгнув с ветки, кинулась наутек.

А на следующее утро, не успел еще скворчонок как следует оправиться от вчерашнего испуга, как над самым скворечником: "Кар-р-р!". Чир сначала думал, что это опять папа волнуется. Выглянул - а на ветке рядом со скворечником сидит не птица, а страшилище какое-то: бока серые, голова черная и клюв в четыре раза толще папиного.

Хорошо еще, что родители прилетели. Ох, и крик подняли они, увидев рядом со своим жилищем ворону! На этот переполох с соседних деревьев другие скворцы явились. Кружатся стаяй над вороной и острыми клювиками долбят серую в спину, в голову, в хвост.

Подошла пора учиться скворчатам летать. Нет, ни в какую летнюю школу они не пошли. А просто родители вдруг в один прекрасный день перестали их кормить. Чир целых десять минут выглядывал из скворечника, все ждал угощения. Но папа сидел рядом и только время от времени перелетал с ветки на ветку. Да еще чирикал при этом, словно приглашал сынишку попробовать свои крылышки. Чир, однако, так и не осмелился. Он только вытягивал шею, раскрывал клюв шире варежки и просил есть. Так продолжалось до тех пор, пока брат с сестрой не стащили его за хвостик вниз. Теперь место Чира занял Чвир. Но и ему ничего не перепало от папы. Да что там от папы! Мама прилетела, червячка на ветку положила, а Чвиру не дает. Чика нос из скворечника высунула и тоже ничего не получила.

Загрустили наши скворчата, все трое в скворечнике спрятались и только слышно, как между собой перечиркиваются. А девочке Кате

все это слышно, и она переводит их разговор с птичьего на человеческий. И получается, что Чир говорит брату с сестрой: ну, что, мол, ребята, дело плохо, надо нам из скворечника за червяками самим вылезать... А те ему отвечают: надо-то надо, да нам боязно, ты старший, так давай первый лезь.

Вот Чир и полез. Выбрался он на самый краешек, ножонками вцепился в жердочку, что возле дырочки прибита. Сидит, качается, глаза от страха закрыл. А когда открыл, увидел, как папа с мамой с ветки на ветку порхают, сына к первому полету поощряют.

Тут перед самым клвовом Чира комарик какой-то закутился. И хоть комарик - не червячок, да ведь и голод - не родная тетка. Потянулся Чир за комариком, равновесие потерял и полетел. Да нет, не вниз головой, а совсем почти, как родители. Спасли его крылышки. Сами замахали, заработали. И очнулся Чир на ветке рядом с мамой.

\*\*\*

А еще через два месяца Катя уезжала из деревни в город. Подходило первое сентября - и все Катины подруги собрались пойти в первый класс. И Катя - тоже. Бабушка напекла ей на дорогу пирожков. Дедушка с утра уложил чемоданы и все на часы поглядывал: не пропустить бы автобус. А Катя вышла в садик, попрощалась с астрами, георгинами, остановилась под старой рябиной, которая вся была увешана спелыми красными ягодными кистями.

- Чирррр!

Катя подняла голову. На давно опустевшем скворечнике, на жердочке, сидел молодой скворец. Он был не серый, а совсем черный, но по голосу девочка узнала Чира. Скворец повертел головкой, юркнул в скворечник, потом снова оттуда вынырнул. Потом детство свое вспомнил и чуть-чуть на жердочке, закрыв глаза, покачался. И вдруг залился длинной песней, совсем как его папа.





## Муська

Родилась Муська в больнице. Точнее, в больничном подвале. Там и увидела ее в первый раз жившая при больнице Протасьевна. Пошла в подвал за тряпками и обнаружила в них мертвую кошку с котятами. Поморщившись, она собрала находку в узелок, чтобы отнести, куда полагается, и закопать, как вдруг один из безжизненных комочков слабо пискнул и ткнулся в ладошку Протасьевны.

“Батюшки, живая...” - сказала Протасьевна.

Она принесла Муську в кладовку. Кладовка была поделена на две части. В одной из них и жила в ожидании квартиры Протасьевна. Квартиру ей все не давали, а в деревню, откуда она приехала и

куда ее усиленно звали обратно родичи, Протасьевне возвращаться не хотелось. Да, признаться, она уже и привыкла к своему месту жительства. Все - рядом, и на работу ездить не надо.

Первым делом Протасьевна поделилась с Муськой молоком, припасенным для обеда. Невелика была дележка. Трех чайных ложек хватило, чтобы в голове у голодной кошечки закружилось, и она уснула.

Людей в больнице было много. От них пахло спиртом, йодом, хлороформом. И, конечно, валерьянкой... Больничный люд относился к Муське терпимо. Кое-кто даже пытался приласкать кошку. Но зов: "кыс-кыс-кыс", - сам по себе еще не означал, что вслед за ним появится кусочек мяса или иное угощение. Кормила Муську, пожалуй, только Протасьевна. И потому кошка вот уже скоро два года безропотно подчиняется Софье Протасьевне, санитарке больницы.

Правда, один раз Муська послушалась своего кумира. Это случилось весной. В окошко кладовки повеяло талым снегом, солнцем и еще чем-то необыкновенным. И Муська заволновалась. Ей почему-то захотелось выйти из кладовки. Но Протасьевны что-то долгонько не было. Двери, как заколдованные, не открывались. И Муська решилась. Она уперлась лбом в створку и стала помогать лапами. Чудеса! Дверь скрипнула и подалась, образовав щель, через которую протиснуться было делом пустяковым.

Рядом - еще дверь, через которую Муська никогда не проходила. Окрыленная удачей, Муська испробовала свой метод и на этой таинственной двери. Та открылась с еще большей легкостью. За дверью оказалась лестница, ведущая наверх.

Боже, какой букет запахов был подарен Муське в новом мире, который на человеческом языке назывался "чердаком"! Запахи щекотали ее усики и, как ручейки, стекали по ним прямо в дрожащие розовые ноздри.

Первым, кого увидела Муська, был воробей. Он сидел на бревнышке у слухового окна и охорашивался. Инстинкт мгновенно прижал Муську к песку, насыпанному в чердачный тес.

У новоявленной охотницы не было опыта, и прыжок получился преждевременным и чересчур резким. Воробья как ветром сдуло. В зубах у Муськи остались только три перышка из его хвоста. Она досадливо закрутила головой, отплеываясь и осматриваясь, нет ли рядом свидетелей ее позора.

И замерла. Свидетель несомненно был. На толстой жерди вверху сидел кот. Он сидел на жерди и умильно жмурился.

\*\*\*

Летом Муська принесла трех котят. Софья Протасьевна оборудовала им старое лукошко, и в кладовке отныне зажила счастливая семейка. Скоро у котят прорезались глазки, и санитарка стала подумывать, кому бы раздать “маленьких”, как она их называла в минуту нежности. Одного удалось пристроить надежно: скоро должна была выписаться больная из дальнего района, деревенская девочка лет двенадцати. Она сама попросила у Протасьевны оставить для нее беленького котика с черным бантиком на шее.

Потом в больницу приехала комиссия из министерства, и у Протасьевны столько прибавилось хлопот, что она лишь раз в день забегала в кладовку.

...Аркадий Абелевич, главный врач больницы, во всем любил порядок. Слово “стерильно”, любимое его словечко, произносилось персоналом на разные лады: от зычного требовательного возгласа до почтительного шепота. Правда, Протасьевна упорно всегда переименовывала это слово на “стирально”. Наверное, это оттого, что она много, очень много стирала. Стирала белье. Стирала пыль. Протирала до блеска полы. Большею частью поэтому в больнице и было все всегда стерильно.

Стерильно все было и в то утро, когда Аркадий Абелевич пригласил членов министерской комиссии на генеральный обход корпусов. Гости уже побывали в хирургическом и терапевтическом. И вот группа в белых халатах вступила на ковровую дорожку неврологического отделения.

На первом же этаже их ждал сюрприз. И виновата в нем была Муська. Она решила, видимо, тоже продемонстрировать кое-что гостям. Вывела свое семейство на самую середину ковровой дорожки и разлеглась на виду у всех, устроив котятм небольшой завтрак.

Увидев незнакомых людей, Муська картинно выгнулась и сделала “мр-р-ры”, отчего присосавшиеся котята чуть не отвалились от нее и только за счет своей жадности удержались.

Реакция на зрелище у гостей была не одинакова. Полная женщина, никак не умещавшаяся в белый халат, всплеснула руками:

- Ах, что за прелесть!

Но сухопарый представитель министерства ничего не сказал и лишь поджал губы, когда брезгливо перешагивал через Муську.

Аркадий Абелевич побелел и замахал руками, молча показывая, чтоб кто-нибудь убрал “это безобразие”.

Через час Протасьевну вызвали к главному.

- Софья Протасьевна, - начал он официально. - Ставлю вам условие. Или сегодня же в больнице не будет посторонних... - он пожевал губами, подыскивая слова, и продолжил, - ...животных, или вам придется подать заявление... по собственному желанию...

\*\*\*

Муська страшно удивилась, когда вечером после работы Протасьевна не заперла ее, как обычно, с собой в кладовке, а сунула в коричневую сумку.

В сумке было темно и душно. И Муська начала мяукать. Но сумка, неумолимо покачиваясь, плыла куда-то, неся в своей утробе на смерть перепуганную кошку.

Это "плавание" сопровождалось морем звуков: слышались людские голоса, шум колес, гудки машин, еще какие-то громы, шумы, шорохи, стуки. Так длилось, может, полчаса, а может, больше, потому что Муська вовсе не разбиралась во времени.

И вдруг сумка открылась. Пахнуло влажным ветром, и в глазах зарыбились огни фонарей и реклам. Протасьевна взяла ошеломленную Муську за шиворот, впихнула ее в какой-то высокий железный ящик со стеклянным верхом, захлопнула тяжелую боковую и тоже наполовину стеклянную дверь ящика и ушла.

Муська сперва подумала, что железно-стеклянный ящик - ее новое жилище. Она уже начала искать мягкую подстилку, на которой можно было улечься на ночь. Но подстилки никакой не было. К тому же Муська вспомнила о котятках, и жалобное мяуканье наполнило чрево ящика.

И вдруг дверь со скрежетом открылась. Вошел какой-то человек с круглыми стекляшками на глазах, захлопнулся и потянулся к светлой металлической коробке, прикрепленной к стенке наверху. Он снял с крючка какую-то черную загогулину, и эта загогулина странно запищала. Очкарик стал пальцем крутить приделанное к середине коробки колесико. Через некоторое время писк сменился мяуканьем. Трубка мяукала долго. Человек терпеливо ждал. Он переминался с ноги на ногу, и, как Муська ни старалась забиться в уголок, ботинок очкарика все-таки наступил на кончик кошачьего хвоста.

Крик Муськи был настолько неожиданным для очкарика, что он выронил портфель. Портфель упал на Муську. Кошка с перепугу сделала "ф-фы!" и единым махом взлетела на светлую коробку, оказавшись носом к носу с незнакомцем.

- Черт возьми! - пробормотал очкарик. - Вечно эти шалопаи: то трубку отрежут, то набиратель сломают, а теперь вот еще и кошку

подсунули... Кис-кис-кис... - позвал он. - Э-э! Да ты вся дрожишь от страха. Ну-ну, не бойся... Прошу вас, мисс Кис, на свободу!..

И он широко распахнул дверцу телефонной будки.

\*\*\*

Утром следующего дня старшая медицинская сестра встретила санитарку упреком:

- Что же вы, тетя Соня, не могли увезти вашу кошку подальше.

- Да уж куда дальше. До площади Революции на метро довезла, там и оставила...

- Врете вы все, - в сердцах возразила старшая. - Вон, полюбуйтесь, у черного хода сидит и мяучит, сюда просится.

- Как? - всполошилась Протасьевна. - От площади Революции сюда, в Измайлово, пешком пришла?!

И, не обращая большого внимания на сестру, санитарка понеслась к дверям. Муська сидела у порога и покачивалась из стороны в сторону. Лапы ее кровоточили, глаза слезились. Никто, наверное, и представить не мог, сколько натерпелась она за ночь; прежде чем добралась до знакомых дверей. Увидев Протасьевну, Муська сделала "мррры!" и попробовала потереться о ногу своей хозяйки, да чуть не упала от усталости.

- Мусенька! - запричитала Протасьевна. - Прости меня, дуру старую...

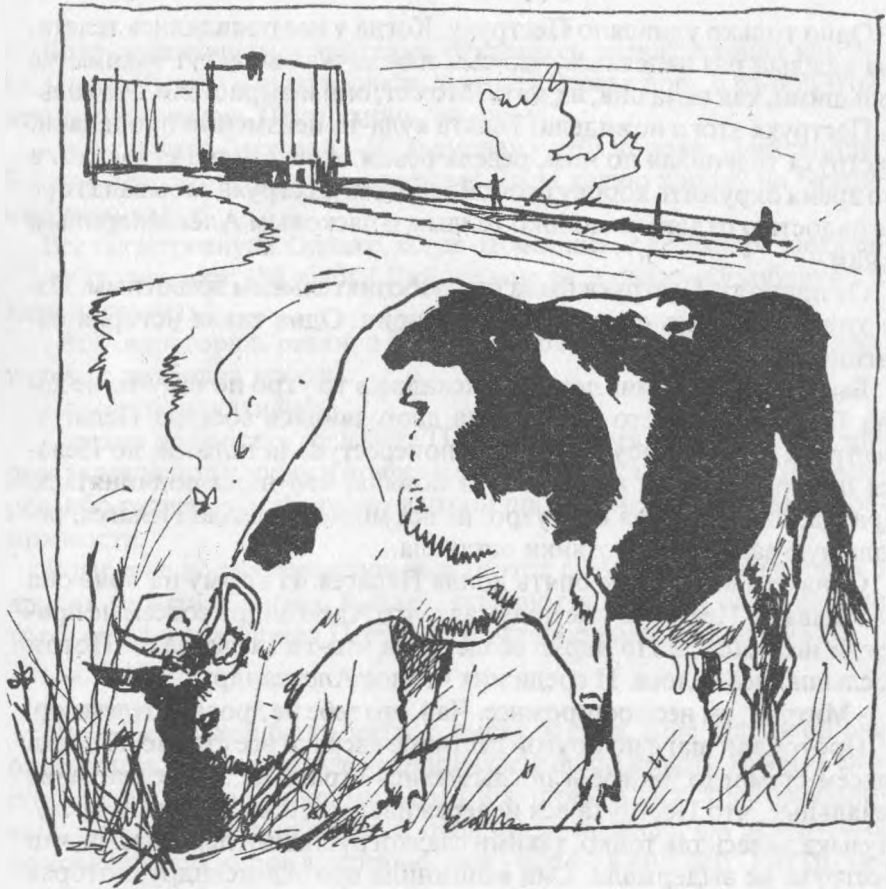
Протасьевна вошла в кабинет главного врача и положила на стол листок бумаги. Аркадий Абелевич удивленно глянул на санитарку поверх очков. Она молча показала глазами на бумагу. Главный врач вздернул очки и прочел фиолетовые каракули:

“Главному врачу А.А.Штейну  
от санитарки Мошниной

Прошу уволить меня, потому што кошку Муську я выбросить на произвол судьбы не могу. Понятно?

К сему остаюсь - Мошнина.”

19357  
233611



## Пеструха

Каждое утро Пеструха протяжным мычанием здоровалась с Александрой. Относительно хозяйки у коровы было окончательное сложившееся мнение: эта женщина - лицо всемогущее. Не было бы Александры - откуда взялись бы каждый день охапка сена и ведро поила?

Вообще-то Пеструху устраивало житье. Паслась она в стаде, вместе с колхозными коровами, домой дорогу знала отлично, никогда нигде не блудилась. Завидев еще издали Александру, она радостно мукала и ускоряла шаг, поматывая головой, словно заигрывая с хозяйкой.

Одно только удивляло Пеструху. Когда у нее появлялись телята, она каждый раз надеялась, что сын или дочка вырастут такими же большими, как сама она, их мать. Может, они и вырастали. Но только Пеструха этого не видела. Телята куда-то неизменно пропадали. Пеструха тосковала по ним, ревела ревмя. Александра старалась в это время окружить корову особой заботой. Пеструха забывала горе и с радостью отдавала молоко теплым и ласковым Александриным рукам.

От природы Пеструха была прелюбознательным животным. Из-за этого случались с нею разные истории. Одна такая история на-смешила всю деревню.

Было это в середине лета. Александра в то утро почему-то не доила Пеструху. Вместо хозяйки на двор явилась соседка Пелагея. Пеструха немного поупрямилась, попереступала ногами, но Пелагея прикрикнула на корову, и та поняла, что надо подчиняться. Правда, она схитрила в то утро: не все молоко отдала Пелагее, небольшую заначку до хозяйки оставила.

Однако и вечером ее опять доила Пелагея. И корму на ночь она же задавала. Пеструха уже подумала, что Александра совсем не придет, и испугалась. Но вдруг возле дома что-то зафырчало. Потом послышались голоса. И среди них - голос Александры:

- Митрий, ты носи осторожнее. Чай, это тебе не дрова, а телевизор.

Протопали шаги по крутой лестнице вверх, и все стихло. А когда совсем стемнело, из избы послышались странные звуки, да такие печальные, что Пеструха вся испереживалась, стоя в темном хлеву. Музыка лилась так тонко, такими сладкогрустными переливами, что Пеструха не выдержала. Она вспомнила про Александру, которая весь день глаз ей не казала, и в нетерпении боднула плохо запертые Пелагеей ворота...

В избе у Александры было полно народу. Чтоб не взопреть от духоты, двери оставили нараспашку, лишь завесив марлей от мух да комаров. Телевизор в деревне появился первый, и поглядеть передачу из Москвы сбежались и стар и мал. Правда, передавали классическую музыку, что для уха деревенского жителя дело не такое уж и привычное. Но зритель с пониманием торжественности минуты терпеливо внимал столичному скрипачу.

И вдруг в мелодию влилась суровая басовая нота. Самое удивительное, что шла она совсем не из телевизора.

- И-и-и-и-и, - вела скрипка.

- У-у-у-у-у, - вторил бас.

- Ай! - заполошно визгнула Пелагея, сидевшая у самых дверей.

Враз оглянувшимся зрителям открылась впечатляющая картина. Сквозь белую марлю торчали черные коровьи рога, а из-под этой декорации несло Пеструхино “му-у-у-у!”

- Во! - заорал Дмитрий. - Культурная у тебя корова, Александра! Чистое дело, прогрессивная корова! Да за такую корову на базаре миллион дадут!..

Все так и грохнули. Однако, когда отсмеялись, Александра заохала:

- Ох, мужики! Ой, бабы! Как же мне ее, дуrolомку, обратно в хлев доставить?

- Во! - вдругорядь рявкнул Дмитрий. - Вызывай, Александра, вертолет да разбирай крышу...

Все опять покатились.

Однако не бросать же в беде Пеструху с Александрой. Всем миром залезли под корову и понесли ее вниз по лестнице, хвостом вперед, ибо развернуть животину в узком пролете не было никакой возможности.

В деревне до сих пор вспоминают этот случай. И в разговорах о других событиях жизни, бывает, ссылаются: “А, это было еще до того, как Александрина Пеструха телевизор ходила смотреть!..”

Да, с Пеструхой было всего: и смеху, и горя. Еще телушкой она отличилась. Купила ее Александра сразу после смерти мужика своего. Надо было ребят кормить, вот и купила. А год стоял засушливый, безводный. Намаялось за день стадо на жару, и к вечеру, как пригнал пастух коров в деревню, они - прямо к колодезю. Пеструха - первая.

Ведро наполовину с водой на цепке висело. Пеструха утопила морду в ведро, а оно вниз поехало. Корову глубже голову сунула. Край сруба у колодца гниловат был. Возьми и рухни! Пеструха и провалилась. Только задние ноги да хвост торчат.

Вот было реву на всю деревню! Александру про беду оповестили. Она даже платок не успела накинуть, так простоволосая и вынеслась на околицу. Народ окружил колодец, а Пеструха бьется и от этого все глубже в колодец уходит. “Пропадет животина!”

Александра долго не рассуждала. Хватить за ноги телушку и на себя рванула. Рванула что есть сил. Тут и другие подмогнули. Пеструху вытащили, а Александра у колодца валяется, перед глазами у нее колеса желтые вертятся, а в животе резь - ровно каленым железом пырнули.



Долго тогда хворала Александра. Даже самолет санитарный за ней прилетал, чтоб в областную больницу свезти. Операцию сделали. Ничего, обошлось...

...А недавно пастух пригнал Пеструху к Александриному дому самолично. Кивнул понурой головой и сказал:

- Извиняй, Александра Трофимовна, не доглядел за твоей коровой...

Александра глянула - сердце у нее зашлось. Вымя у Пеструхи распорото, все в сукровице. Пошла, вишь, корова по кустам лазить, а там монтеры накануне линию электропередачи чинили. Проводов обрезанных набросали и не убрали за собой. Пеструха и напоролась на стальную, крючком загнутую проволоку. Рванулась - раскатила себе вымя.

У Александры слезы на глазах. Побежала на центральную усадьбу. Позабыла, что телефон на ферме есть. Ветеринар сразу понял, что дело серьезное. Не ломался, сел на мотоцикл, Александру - за спину себе посадил, на седло, - помчались. Прикатили к месту, осмотрел лекарь Пеструху, мазь и советы дал. А прощаясь, все-таки сказал:

- Свела бы ты ее на мясо. Доиться она теперь совсем мало будет. А на деньги, что получишь, не то что телушку, стельную купишь.

Александра целый день вчера ходила вокруг кормилицы. Даже обняла ее и поплакала, уткнувшись лицом в черное пятно на боку.

А сегодня опять подкатил к дому грузовик. Дмитрий, колхозный шофер, согласился добросить Пеструху с Александрой до райцентра.

В кабину баба отказалась садиться:

- Я уж с ней, в кузове побуду...

Впервые Пеструха ехала на машине. Ей было дивно, что грузовик вроде и без ног, а бежит так ходко, что мелькают деревни, озера, поля, перелески. За всю жизнь Пеструха не навидалась того, что за этот час.

Но велик ли час! Вот уже и подкатили к небольшому домику, стоящему у огромного загона с каким-то мрачным кирпичным зданием посередине. По длинным сходням свела Александра Пеструху за веревку, накинутую на рога; Дмитрий получил обещанную плату, сунул ее под сидение и умчался, оставив только облачко пыли, которое тут же и растаяло.

Приемщик встретил Александру сердито:

- Обождать придется. Транспортер из строя вышел...

Александра провела Пеструху в ворота загона и привязала к жердям изгороди. Она сейчас думала о том, что трудно будет без коровы, особенно, если приедут в гости ребята с внуками, живущие теперь в городе. А и с коровой - не легче. С сенокосом заму-чаешься...

Думы ее прервала Пеструха. Корова давно уже приняхивалась к запахам, шедшим от побуревшей осенней травы загона, от красных стен бойни, от будки приемщика. Пахло шерстью, навозом и еще чем-то непонятным, жутким. Пеструхе почудилось, что пахнет ее телятами. Запах лился в ноздри, как дурман, как наваждение. Пеструхины глаза налились кровью. Она наклонила голову и начала переступать передними ногами. Протяжное, тревожное мычание, похожее на медвежий рык, вырвалось из коровьей глотки.

Приемщик высунулся из окна будки и крикнул:

- Уйми свою дурищу!

Александра обиделась за Пеструху, но смолчала. Она подошла к корове и погладила ее по белой звездочке на лбу.

Но Пеструха отпрянула от нее, как от чужой. Может, она догадалась, зачем ее привели сюда? Может, она почуяла, куда девались ее дети? А может, просто растревожили ее непонятные, жуткие, невыносимые запахи? Только она еще ниже нагнула голову и вдруг вскинула ее вверх. Старая веревка резко натянулась, не выдержала и лопнула. Корова чуть не перевернулась через голову и в следующее мгновение уже летела по загону, не видя ничего перед собой, кроме зубчиков далекого леса, там, на горизонте. Вслед ей неслись страшные запахи. И она мчалась все быстрее и быстрее.

Пеструха не видела, что изгородь у загона есть и с той стороны. Она налетела на колья, поставленные косо между пряслами, упала на колени и, протянув "Мы-ы-ы!" , завалилась на бок. Когда к ней подбежали, она уже ничего не чувствовала.



## НА ЛОБЫВКУ

(глава из повести о военном времени)

В понедельник староста Нина Сомова остановила Юрку у дверей класса и, потупив глаза, сказала:

- Из сельсовета телефонограмму передали. У тебя мать заболела. Наказала домой приехать. Директор разрешил, поезжай.

Сказала так, что не поверить было невозможно. Душа Юрки возликовала. Известие о болезни матери не очень его огорчило. С тех пор, как отец ушел на фронт, она частенько недомогала, похватывалась за сердце, но потом приступы проходили. Наверно, и сейчас

- с сердцем. А может, простудилась? Но зато можно целую неделю дома пробыть. Это же такое счастье!

И почему в последнее время ему так везти стало? Вчера пошел в сберкасса проверить облигацию. И была-то у него всего одна облигация в сто рублей. На крыльцо общежития вышел - вспомнил, что калоши забыл. А на улице - развезло. Пришлось воротиться. Ребята в комнате увидели, загалдели: "Вернулся! Значит, не в путь". Отшутился: "Ничего! У меня мокроступы волшебные..." Ребята: "То-го-го! Га-га-га!"

Над калошами Юрки, и впрямь, - одна потеха. Они давным-давно лопнули в верхней части поперек, и Юрка подвязывал их к валенкам сложной веревочной системой, им самим изобретенной.

В сберкассе его ждала удача. На облигацию выпал выигрыш - двести рублей. Вчера он колебался, истратить деньги или нет. Сегодня принял решение: купить хлеба. То-то мама обрадуется! Она настоящего хлеба год, наверное, не едала. Все с дурандой, да колокольцом.

\*\*\*

...Сегодня, как назло, ни одной попутки. Юрка уже половину дороги отшагал. Ноги стало саднить на запятках, стер, значит. Показалась деревня Верхник. Тут жила тетка Евдокия. Можно было зайти, передохнуть. Тетка, хоть и не родная, а семикуродная, но щей плеснет.

Однако, вспомнилась последняя с ней встреча, и щеки обожгло. "Нет, ни за что!" Когда же это они в последний раз виделись? Да, точно, в октябрьские праздники.

Мать тоже тогда приболела. Юрка шел к ней с пустой котомкой. И завернул к тетке Евдокии. А та как раз пышки белые пекла, ждала гостей. Юрка оказался гостем незванным. Но накормить его тетка накормила и ночевать оставила. А в сумерках убежала на полчаса к соседке. Ну, Юрка и соблазнился, стащил у нее с полки одну пышку, спрятал в угол пустой котомки - маме гостиниц.

Не знал парень, что пышки у тетки Евдокии считанные. Поздно вечером хватилась она пропажи и навела ночью в Юркиной котомке ревизию.

Утром Юрка собирается в путь, а тетка такая ласковая: чаю предлагает. С пышкой. Пышка поменьше той, какую он вчера спер, ну, ничего. Юрка чай выпил, а пышку не тронул. "Спасибо, - говорит, - а это я маме - в гостинец". Сам думает: "вот я две пышки теперь принесу". Полез в котомку, а там вчерашней похоронки, как

не бывало. Тетка Евдокия у печки стоит, за ним наблюдает. Встретились глазами и покраснели оба. Юрка от того, что поймала его тетка, а Евдокия тоже малость зарумянилась: поняла, что лишила парня радости больную мать пшеничной пышкой угостить. Ведь, поди-ко, одну-то она не съест, сыну назад отдаст.

Засуетилась тетка, захотела исправить промашку. Кренделек еще в руку парня сунула. Юрка стал багровый от смущения, хотел было, не брать, но совсем стусевался, схватил кренделек и, на ходу надевая шапку, выкатился за двери. Так что к тетке Евдокии ему сейчас идти все равно, что по горячим углям.

Пока он вспоминал свой недавний позор, зафырчало сзади: грузовик показался. Юрка поспешил к мостику, что был впереди.

Надо вам сказать, что педучилищенские ребята - опытные люди! Юрка - не исключение. Он знает, что шофер ни за что не будет машину ради "его светлости" останавливать. Поэтому садиться в кузов надо на ходу. У мостов - большие выбоины. Водители всегда возле таких мест притормаживают. Тут и надо ловить момент. Двумя руками за задний борт, одну ногу - на крюк для прицепа, вторую закидывай, как кавалерист. Борт оседлал - большая часть дела сделана. Надо только успеть до главного толчка в кузов перекинуться, а то на ухабе так может посадить, что на всю жизнь инвалидом останешься.

Операция удалась, и Юрка быстро доехал до Марковицы, большой деревни в трех верстах от Могилева, куда он направлялся.

У магазина грузовик встал. Шофер вышел, осведомился: "Платить будешь?" Пассажир помотал головой. Шофер сказал: "Вылезай. К черту - нищих, бог подаст..."

Юрка сошел с машины с легким сердцем. Дальше ему двигаться по тропке через снежное поле, и машина ему совсем не нужна была. Он все равно бы за Марковицей выскочил из кузова на ходу. Мостик и там подходящий. А теперь слезай себе тихо, без риска. Лишних полкилометра идти. Ничего, как раз согреешься, а то промерз в кузове-то, чай не лето.

Правда, шофер хотел на прощание подзатыльника дать, но Юрка увернулся. Пошел к деревенской околице.

\*\*\*

Ой, ты, тропка полевая! Летом ли, утонувшая во ржи и ячменях; осенью ли, черной лентой вьющаяся по желтой стерне; весной ли, перепаханная и снова утоптанная великой армией прохожих, - всегда ты хороша, Хороша ты и переметенная поземкой, кое-где виль-

нувшая в сторону от провалившегося глубоко в снег ошибочного следа (шел человек ночью, да, может, навеселе), ершистая и скрипучая в мороз, гладкая и скользкая, как сейчас, в оттепель. Не сравнится с тобой, тропка, ни проселочная дорога, ни тракт прямоезжий, ни магистраль асфальтовая. Потому, что ведешь ты, тропка, к родному порогу!

Одно плохо, у самой деревни Могилево тропка полезла круто в горку. А горка до того укатана, что взойти на нее можно только с величайшим усилием. И уж, конечно, не в таких калошах, какие у Юрки, с гладкой, выношенной подошвой. Три раза поднимался почти до самого верха парень и три раза скатывался обратно. Делать нечего, пришлось снимать калоши и топтать по сырому снегу в валенках, у которых от подошв осталось одно название. На горе, возле дома, где жила Ельтипифоровна, Юрка остановился, чтоб снова обуться в “волшебные мокроступы”.

Он сначала не понял, о чем голосит старая Ельтипифоровна. Увидев с крыльца Юрку, бабка запела жалобно:

- Али идешь, сиротинушка? Али к родимой матушке горе мыкать?

Юрка насторожился. “Видно, мама сильно заболела”, - пришла первая мысль.

- Баба Нюра! А что, мама шибко хворает? Что с ней?

- Ох, ты, дитятко неразумное! Про што баешь-спрашиваешь? Не о мамке надо спрашивать. Где у тебя тятенька? Где сокол Макар Иванович?

Юрка глянул широко раскрытыми глазами на Ельтипифоровну. Что несет старуха? Как “где тятенька”? На фронте, конечно. В Польше. Возле города Сулиева. Письмо на той неделе было.

Бабка увидела в лице Юрки изумление и брякнула:

- Али не ведаешь? Пришла на Макара Ивановича похоронная...

“Похоронная”. Страшно слово! В который раз звучало оно над живыми, это непереносимо длинное, шепотом, с нехорошим придыхом говоримое слово, - и переставали смеяться дети, дикий звериный стон издавали жены, каменели матери, падали на колени старики.

У Юрки задрожали ноги и стало горько в горле, в груди, талый снег поплыл перед глазами. Глянул он на крыльцо, где стояла Ельтипифоровна, а там уже - никого...

По деревне шел, сжавшись. Ему казалось, что из всех окон смотрят на него сельчане и жалеют. Порог дома бабушки Ульяны, где

квартировала мать, показался ему совсем старым. Выщербленный, треснувший по диагонали порог еле держал на себе косяки.

У двери Юрка помедлил. Отчаянная надежда затеплилась на доннышке сердца. “Старая Ельтипифоровна из ума выжила, болтает, сама не знает чего...”

Ну, конечно! Вот он открывает дверь и тихонько заглядывает в избу. Все правильно. Бабушка Ульяна и мать сидят у стола в передней и тихо разговаривают. Они не убиваются, не рвут на себе волосы. Значит, наврала карга. Значит, ошибка. Перепутала все старушечья.

Мама улыбается:

- Юронька пришел. Здравствуй, сынок. Раздевайся...

Она улыбается! Раз не лежит, значит, не больная? Зачем же она его вызвала? Зачем зеркало в передней завешено?

- Пойдем, я тебе полью водички... Умойся с дороги, - говорит мама.

Они выходят в сени. Мать зачерпывает ковшом из ведра воду и уже над тазиком спрашивает наклонившегося и сложившего руки лодочкой сына:

- Ты, Юронька, чего-нибудь знаешь?

- Зна-ю...

Мать обнимает его за худые плечи.

- Нету у нас папы, Юра...

Они долго стоят, обнявшись, в холодных сенях и беззвучно плачут. И только тоненькая струйка воды из ковшика, что держит в руке мать, потихоньку звенит о цинковый таз.

## Содержание

<i>Чивик-чивик!</i> .....	4
<i>Скворчонок Чир</i> .....	8
<i>Муська</i> .....	12
<i>Пеструха</i> .....	17
<i>На лобівку</i> .....	22